

Гегель в действии. №16

'ПАТРИОТИЗМ' В РАЗЛИЧЕНИЯХ

Когда человек превозносит всё западное и принижает всё отечественное, он тем самым выражает свой антипатриотизм. При этом он с упоением мулсирует отечественные недостатки в сравнении с западными "достоинствами", а отечественные мировые достижения - принижает, старается найти доводы к их обесцениванию. Психологическая форма такого стремления к принижению может выражаться так: "достижения в космосе? - да, я с этим частично согласен, НО...", "атомный щит? - ну-у-у, может быть, НО (и далее может говориться о краже идей у запада). Прибаутками: "...я с этим частично согласен...", "...может в этом что-то и есть..." и подобными, "обоснование" которых обрывается словом "НО", делается видимость аналитичности суждений. Носители такого антипатриотизма вольно или невольно представляют интересы западного империализма в его стремлении к колониальному господству и обнаруживают свою готовность к коллаборационизму¹. Во время Великой Отечественной войны такая идеология, в виде преклонения перед "германским порядком" и презрения всего коммунистического, давала врагу его прислужников - ретивых полицаев. Такая идеология сейчас востребована и поддерживается компрадорской² буржуазией, которая, в свою очередь, поддерживается западом, во главе с США, в их стремлении к колониальному господству. В отношении внутреннего устройства общества носители такой идеологии противодействуют всякому патриотизму, отрицают его.

Патриотизм положительный, но буквальный, выражается в поддержке его носителем существующего устройства государства, какое бы оно ни было. Этот патриотизм снимает предыдущий антипатриотизм тем, что вынуждается необходимостью противодействия антипатриотизму для сохранения государства. "Буквальные патриоты" отождествляют отечество с государством. При этом упускается из виду, что государство нуждается в обратной связи для обеспечения как можно большей легитимности в глазах своих граждан. Например, Путин, объявляя в СМИ о "вынужденности" повышения возраста выхода на пенсию, просил аудиторию "понять необходимость этих мер". А ведь можно было просто объявить о принудительном повышении пенсионного возраста, без того, чтобы цедить из общества хоть сколько-нибудь сочувствующих. Но тогда это было бы неприкрытым проявлением власти диктатуры постсоветского алигархата, с его смычкой с финансовой системой США (через политику Центробанка), то есть - тогда это было бы проявлением американского 'фашизма на экспорт' в лице "наших" компрадоров.

Обыденное сознание в понятии 'патриотизм', через исторически накопленный обществом опыт жизни, чувственно подразумевает в его сущности нечто большее, чем это предлагает 'патриотизм', отождествляющий 'государство' и 'общество'. Различение 'общества' и 'государства' обнаруживается в том, что нынешнее государство осуществляет диктатуру эксплуатирующих классов для обеспечения в их пользу неравенства распределения произведённых продуктов жизни и свободного времени. При этом декларируется то 'идеальное' равенство, когда каждый свободен иметь то, что он **сможет** иметь. Но это же обозначает и то, что каждый в обществе может оказаться в нищете, если он - **"не смог"**. И чем беднее человек, тем вероятность такого исхода выше. В противоположность 'буквальному патриотизму', настоящему патриотизму соответствует стремление к такому устройству общества, где его члены были бы равны не 'идеально', а материально: когда все обеспечивались бы в равной степени бесплатными медицинской защитой, жильём, дошкольным воспитанием, образованием.

При диктатуре пролетариата, когда государство служит для уничтожения эксплуатации (тем самым уничтожая принципиальные истоки вообще государства), 'патриотизм' может оставаться содержательным из-за необходимости борьбы с проявлениями остатков мелкобуржуазной идеологии и из-за необходимости сосуществовать с государствами, ещё остающимися эксплуататорскими. Именно такой патриотизм вдохновил советский народ коммунистического СССР к индустриализации и коллективизации, к победе над фашизмом в Великой Отечественной войне и освобождению от этого фашизма всего мира.

1 Коллаборационизм - осознанное и добровольное сотрудничество с врагом в его интересах и во вред своему государству. Является преступлением против своего государства.

2 Компрадор - тот, кто реализует интересы чужого государства в ущерб своему государству. Например, Центробанк России является компрадорским учреждением, поскольку действует в финансовых интересах США в прямой ущерб национальной экономике: его слишком высокая процентная ставка в 10% не позволяет кредитовать промышленность.

Когда на земном шаре воцарит единое в своём материальном и духовном равенстве человеческое общество, тогда понятие 'патриотизма' потеряет содержательность. ...быть может лишь только до той поры, пока не придётся согласовываться в жизнедеятельности с внеземными цивилизациями Вселенной, - тогда понятие 'патриотизма' вновь обретёт соответствующую ситуации содержательность.

СВОБОДА

Обыденное сознание ассоциативно, чувственно, связывает это слово с возможностью "делать что хочется". Что такое "делать, что хочется"? - это делать то, что "взбрёт в голову". То есть, если "взбрело в руки или в ноги", то тут речь может идти не о 'свободе', а о конвульсиях. А "взбрело в голову" означает некое разумение, соотнесение с объективным миром: с существованием, обстоятельствами, возможностью, необходимостью. Это значит, что "взбрело в голову" означает в том числе и некое ограничение безмозглой 'свободы', то есть - отрицание 'свободы' как безмозглой. Таким образом, разумная 'свобода' (собственно 'свобода') соотносится с осознанием 'возможности' - как минимум. Выходом за рамки этого минимума может быть дополнительное осознание ещё и 'необходимости'. В этом случае самодурство 'свободы, ограниченной лишь возможностями' переходит в целесообразность 'свободы возможностей, реализуемых в рамках необходимости (потребности)'. Например, иллюстрируя 'свободу', можно захотеть посмотреть направо и после этого - посмотреть направо, можно захотеть посмотреть налево и после этого - посмотреть налево: желание переходит в действие. Однако, в голову не приходит желание посмотреть вглубь своей головы, поскольку движения глазных яблок оказываются ограниченными связками и краями глазных впадин в костях черепа. [Только что такое желание могло и прийти, но тут же мы осознали степень возможности его осуществления.] Это - что касается 'возможности'. Если говорить о 'необходимости', то можно представить себе рыбака, который следит за поплавком, а не крутит бездумно глазами влево-вправо. Навряд ли тут проявляется ограничение свободы, поскольку рыбак вполне вдохновенно неподвижно глядит на поплавок в предвкушении клёва.

Понятие 'свободы' становится практически значимым, когда оно конкретизируется рассмотрением в ракурсе сосуществования людей в обществе. Именно в контексте проблемы совместного житья возникла необходимость в понятии 'свободы'. Обыденное сознание норовит ближайшим образом оторвать 'свободу' от этого контекста, ассоциировав с ней "принципы" гедонизма³, и противопоставить её исходному контексту - необходимости сосуществования в обществе.

ЧЕМ ДЕМОКРАТИЯ ОТЛИЧАЕТСЯ ОТ СВОБОДЫ?

При 'демократии': **действия** человека опосредуются его осознанием необходимости соблюдать одинаковые для всех договорные **правила**. При 'свободе': **действия** человека опосредуются лишь его осознанием необходимости этих **действий**.

Примеры.

В шахматной партии белые и чёрные играют по одинаковым **правилам**. В результате игры кто-то выигрывает, а кто-то проигрывает. В договорных "шахматах" буржуазного общества подобным же образом: кто-то финансово-материально гибнет, а кто-то остаётся "на плаву". Но всё было "по правилам"! Вообще замечаем, что большинство игр, при равенстве для игроков правил игры, имеют целью достижение неравенства в итоге игры. В итоге игры и появляются: "умный" и "менее умный", "ловкий" и "менее ловкий", "удачник" и "неудачник", бедный и богатый. Выигравшему обычно психологически легче принять свой титул победителя, чем проигравшему - свой титул проигравшего. Проигравшему приходится смириться со своим этим титулом через "осознание" того, что "всё было по правилам". Изощрённым 'правилом' бывает "игра без правил": для обыденного чувствования это ассоциируется обычно с гнусностью. Заметим, что не одно и то же: "игра без правил" и "действие сообразно осознанию".

Рассмотрим другой пример: альпинизм, восхождения на Эверест. Неписанным "мужественным" правилом (среди прочих, разукрашенных романтизмом красивыми фильмами с конечной целью поддержать индустрию альпинизма) там является "моральная" возможность пройти "удачливому" альпинисту мимо умирающего альпиниста, которому "не повезло". Действительно, человек потратил всё своё состояние, чтобы подняться на вершину. Человек понимает, что эта его патологическая мечта связана с риском для жизни. Человек понимает, что, не сумев с этим риском справиться, он, по правилам игры, не смеет ограничивать в

³ Гедонизм - этическая позиция, утверждающая наслаждение как высшее благо и критерий человеческого поведения и сводящая к нему всё многообразие моральных требований. Стремление к наслаждению в гедонизме рассматривается как основное движущее начало человека, заложенное в него природой.

возможности двигаться на вершину других альпинистов, изначально таких же, как и он сам. Ведь, взявшись спасать другого, человек лишает себя возможности подняться на вершину, ради которой он тратит все свои финансовые, физические и психологические ресурсы. Соответственно, человек на свою вершину пройдёт мимо умирающего другого альпиниста с "чистой совестью". Может быть, он лишь снизойдёт до него любезностью взять у него прощальную записку для семьи. И потом нам этих людей демонстрируют, как пример невиданной степени развития человеческого величия и духа, тогда как, на самом деле, мы тут имеем пример позора извращённого, экзальтированного "человеческого" тщеславия и бездушия.

Рассмотрим в качестве ещё одного примера 'семью'. Брак может быть традиционным, а может заключаться подписанием брачного контракта. Брачный контракт - это правила игры, считаемые равными для обоих тем, что подписываются в начале супружеской жизни обоими в согласии друг с другом. Теперь эти люди - партнёры, а лишь вторым числом - "супруги", тогда как раньше всегда было так, что вступившие в брак парень и девушка, это ближайшим образом - супруги, а лишь во вторую очередь они дополнительно ещё оказываются и партнёрами. Заметим, что и традиционный брак это - договор о правилах, который делается: а) для окружающего общества и в соответствии с его текущим устройством; б) для супругов, как членов этого общества, нуждающихся в общественном признании в фиксируемой в акте бракосочетания связи. Более скрупулёзное выведение о семье в своё время сделал Фридрих Энгельс.⁴ В природе всё живое продолжает себя без необходимости чем либо опосредствовать совместную жизнедеятельность противоположных полов.

Мы рассмотрели 'демократию', теперь рассмотрим 'свободу'.

'Свобода' - это когда мы играем в футбол не для того, чтобы кого-то выиграть, а когда мы выбрали футбол, как один из способов укрепления своего здоровья. Тут мы очищаем от опосредствования конкретной игрой сущность необходимости двигаться, после чего эту необходимость опосредствуем чем-то подходящим. То есть, в результате таких переходов, конкретная игра (футбол) переходит в 'один из подходящих поводов подвигаться' (например, - снова в футбол).

'Свобода' - это когда мы не состязаемся "умом": кто дурак, а кто умный, а когда мы совместно ищем истину, помогая и дополняя друг друга в памяти, сообразительности, разделении умственного труда. Тут наш поиск неограничен **ничем**. Вернее, - ограничен лишь целью познания. В таком поиске истины ум проявляет себя в собственном смысле своего названия и в таком поиске истины человек проявляется не как сорока, сортирующая в своей памяти множество собранных отрывочных знаний, а как собственно - человек разумный.

В альпинизме истинной свободе и настоящей вершине человеческого духа и мужества, как подсказывает обыденное мышление, соответствует осознание высшей ценностью, перед которой меркнут любые вершины, - ценность человека и взаимопомощи. При таком осознании человеческий дух, мужество и достоинство возвращаются к самим себе (раз человек в своём саморазвитии в фокус своего внимания ставит опять же человека, как себя самого), достигая абсолютного, то есть - истинного, значения.

В семье истиной свободе соответствует любовь мужчины и женщины и их совместная осознанная деятельность по рождению, выращиванию, воспитанию детей, не нуждающаяся в опосредствовании какими-либо правилами. Всякая опосредствованность компрометирует эту свободу. Сущность официального брака, как необходимой опосредствованности, выявляется при разводе. Официальный брак ещё является хорошим поводом в два раза уплотнить заселённость жилых помещений. Даже если брак был заключён по ошибке, обществу и в этом случае целесообразно эту пару иметь собранной, просто в целях своего физического воспроизводства. Однако при капитализме ближайшие выгоды эксплуататоров делают в целом в обществе это воспроизводство экономически затруднённым, из-за чего рожать детей у многих является непривлекательным. Тогда от смысла брака вообще едва ли что остаётся и он начинает порой приобретать извращённые формы вроде таких, когда в каких-то странах официальным браком регистрируют существ однополых, а не только нормальных людей. В этом случае имело бы больший смысл регистрировать союзы групп людей для фиксации в государственном законе их обязательств друг перед другом во взаимопомощи в процессе жизни, где половое влечение пропадает как несущественное, а решаются проблемы общего жилья, быта, помощи при болезнях, устройстве на работу, совместного отдыха и прочее. В Израиле подобные образования называются киббуцы. Похожим образом устроены монастыри и общины. Но и тут это государственное узаконивание излишне, если сообщество своим устройством само себя обуславливает, как это делается, например, в национальных диаспорах. Например, цыганский табор сам себя организует общим специфическим способом жизни.

4 К. Маркс и Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства. Сочинения, изд. 2, т. 21, стр. 23÷178.

В общественных производственных отношениях капиталистического способа производства, откуда и взялась эта проблематика "демократии" и "свободы", "демократия" выдаётся за "свободу": люди знают маленькие кусочки свободы в отдельных фрагментах своей личной жизни и они хотели бы её механически распространить на остальную свою жизнь, которая оказывается необходимо: как общественной, так и производственной. Такое распространение на всё остальное при капитализме практически получается, только если договариваться "по правилам", то есть - используя "демократию". Тем более, что есть экономическое опосредствование материальной жизни, ублюдок смысла жизни, - деньги.

Будущим общественным производственным отношениям, соответствующим коммунистическому способу производства, соответствует осознанное участие в производстве, не опосредствованное извращённой целью "заработать деньги". То есть, вместо необходимости знать общественные 'правила', будет господствовать осознание необходимости тех или иных усилий для процветания всечеловеческого общества. Так демократия отомрёт, и свобода из мнимой станет истинной.

Например, истиной свободой в Китае является осознание нацией своим высшим достоинством стать производителем всего необходимого для всего человечества. Это стало возможным только потому, что Китай - страна, находящаяся в переходном к коммунизму периоде, в которой, помимо подчинённого буржуазного уклада, есть развивающийся коммунистический уклад общественного производства. Этот коммунистический уклад находит свой отклик в буржуазном укладе в виде такой специфической национальной идеи. Раз такой отклик найден, то получается та согласованность в обществе, которая и обеспечивает нынешние успехи Китая.

Мышление о мышлении.

ДОБРО И ЗЛО

Обыденное сознание⁵ в своих чувственных ассоциациях может связывать 'добро/зло' с тем, кому делается 'добро/зло' и с тем, от кого это действие исходит. Получается, что 'добро/зло' напоминает вектор: есть две точки - субъект-объект и направление. 'Зло' - это когда то, на что оно направлено, разрушается или затормаживает своё развитие в результате действия этого зла. 'Добро' - это когда, в результате действия этого 'добра', предмет ещё больше утверждается в самом себе как таковой, получает благоприятные условия для саморазвития.

Когда что-то ломает другое для своего блага, оно себе делает добро, а другому - зло. Когда что-то делает благо другому в ущерб себе, то получается, что оно делает другому добро, а себе причиняет зло. Волк может причинить зло антилопе, убив её на охоте, однако, скормив её своим детёнышам, он сделает добро своему выводку. Получается не **иерархия** добра и зла, а их **относительность**: не "чтобы сделать в целом добро, иногда делается частное зло", а "чтобы сделать добро одному, иногда делается зло другому". Если популяции волков и антилоп находятся в экологическом равновесии, то охота волков на антилоп предотвращает чрезмерное размножение антилоп, отчего выходит 'добро' для экологии в целом. Тут получается уже не **относительность**, а **иерархия** 'добра' и 'зла': в этой иерархии 'зло' уничтожения антилоп волками исчезает в 'добре' необходимости регулирования численности антилоп для сохранения экологического равновесия.

Если рассматривать 'добро/зло', в котором виден только **субъект**, то получается такой случай, когда что-то делает 'добро/зло' всем подряд. В случае 'зла' это что-то норовит разрушить всё подряд. В случае 'добра', это что-то получается вроде солнца, несущего всем благо, тепло и свет. Например, таким 'добром' может быть энергия падающей воды гидроэлектростанции, питающая электричеством всякого рода потребителей.

Если рассматривать 'добро/зло' в котором виден только **объект**, то получается такой случай, когда что-то разрушается или процветает в условиях воздействия совокупного своего окружения. Примером может быть что-то 'старое'. Для 'старого' весь мир представляется несущим ему зло. Примером про 'добро' может быть какой-нибудь молодой организм, который всякое многообразие условий своего существования воспринимает как полезное для своего развития.

Далее, кроме различий иерархичности, относительности, направленности, объектности-субъектности, можно ещё различить 'добро/зло' в плане активности-пассивности и в плане случайности-преднамеренности (неосознанности-осознания)...

5 'Обыденное сознание' - такой взгляд на устройство жизни, на её действия на человека и на необходимые собственные действия для осуществления этой жизни, который закреплён в языке как накопленный опыт жизни человечества.

'Добро/зло' на данном уровне абстракции выходит рассматриваемым как нечто 'одно', а не 'два', потому что в логическом плане и 'добро' и 'зло', как видим, почти одинаково себя представляют. Интересно рассмотреть 'добро/зло' по отношению к добру и злу и всё таки отличить 'добро' и 'зло' в существенном, как не однопорядковые. То есть - различить их не как различные в мерах, а как противоположные или как разные. Замечаем, что сравнение или сопоставление любого с любым возможно только на каком-то общем основании. Вообще трудно себе вообразить что-то, что совсем с чем-то другим не имеет ничего общего. Например, даже у "зелёного" и "большого" может быть общим основанием такое длинное, заключённое в кавычки, понятие, как: "большой бегемот, на которого жалко тратить зелёную краску". Не говоря уж о том, что в плане "мышления о мышлении", "зелёное" и "большое" это оба - прилагательные. За то общее, что может быть основанием для сравнения 'добра' и 'зла' может сойти собственно данное выведение, в котором это нечто, логически общее 'добру' и 'злу', обозначается монолитным образом так: " 'добро/зло' ". То есть, в данном выведении получился пример обозначения понятия 'содержанием выведения', при том, что это понятие не имеет обозначающего его устоявшегося обыденного слова. Такого устоявшегося обыденного слова нет потому, что для практики повседневной жизни человек использует понятия 'добра' и 'зла' по их использованию в 'конкретном'. В данный момент осуществляемая данным изложением практика осмысления этих понятий не является непосредственно прилагаемой к практической жизни, а является вторичной рефлексией, которой занимаются не для мышления мира, а для мышления этого мышления мира.

Полагать, что всякое 'добро' в конечном итоге служит 'злу' (то есть, что 'зло' снимает 'добро') не истинно, потому что это - восприятие мира как такого, который только и делает, что рассыпается, разрушается, умирает. При таком подходе 'рассыпается' и такое восприятие мира. Противоположное воззрение: что 'добро' в конечном итоге больше 'зла' и включает в себя его как свой момент (то есть, когда 'добро' снимает 'зло'), более продуктивно, потому что соответствует 'развитию', а не 'деградации'. Таким образом 'добро/зло' оказывается 'добром, побеждающим зло'.

Общественная жизнь, это то, из чего человек вынес своё мышление, став человеком. Поначалу общественно-религиозное, это мышление, через становление философским, устремилось к отражению природы, вместе с развитием материальной жизни человечества, сделав религиозное мышление рудиментально условным и породив науки. Далее мышление возвращается к обществу, обогащённое через отражение природы материалистической диалектикой, оставившей в своих праотцах всякую философию. И, таким образом, необходимость сознательного преобразования природы переходит в необходимость сознательного преобразования обществом самого себя в ключе своей целостной гармонии и сущностного равенства, - это будет соответствовать 'добру'. Всякие потуги сумеречного "сознания" корёжить общество в сторону дисгармоний, разделений и эксплуатаций под ширмой правил "о равенстве" - составляют 'зло'. Поэтому 'добро' в общественной жизни получает своё завершение в осознанной **борьбе** 'добра' со 'злом'. В этой **борьбе** реализуется в своей истинности сущность мышления и 'человек' становится **человеком**.